

Миша Волк
Жизнь из чемодана

Миниатюры

Миша Волк
Жизнь из чемодана.
Миниатюры

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21234769
ISBN 9785448321245*

Аннотация

Эти обрывки моей жизни словно выпали из рваного многострадального чемодана, соединить, сшить их – невозможно, попробуйте сами...

Содержание

Кукушка	5
Сердечко	7
Желчное лето	9
Облаком сизый листок	11
Амнезия	12
Сметана	15
Борьба за огонь	17
Сколько стоит любовь	19
Эхо	23
Скидки	26
За горизонт	28
Кусок неба	30
Передоз	32
Маркизде мой сад	34
Нож	38
Операция ы	42
Атракцион страха	44
В аду	47
Ведро воды	50
Заморозки	52
Исхода нет	54
Последняя слеза	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Жизнь из чемодана

Миниатюры

Миша Волк

© Миша Волк, 2016

ISBN 978-5-4483-2124-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Кукушка

Кровью умылось небо.

Предвещая мельничную погоду, в масле золотистого ма-
рева жарился алый закат.

Она не любила смотреть на небо, её раздражали вытяну-
тые, будто надутые тучи, и солнце, пахнущее последними
тёплыми деньками раздражало, как размазанная по губам
калорийная помада.

Паутина чулок ловила мужских мух.

Путаясь в сетке их взгляды пытались разорвать верх,
но увидев прожигающий взгляд, вяло плелись следом, опла-
чивая счета.

Ей было всё равно – для неё насекомые, липнувшие
к сладкому, чаще вызывали непонимание, как ползущие
у ножек твари.

Лишь на съёмочной площадке, да на сцене, позволяла она
выход восприятия жизни.

Но здесь её раздражало, что вместо слов, тех которые скопились и встали в очередь для крика, чужой томный шёпот, смысл которого она воспринимала, как издевательство.

Вот так по жизни, с чужими репликами, с денатуратными слезами, обесцвеченная перекисью, забывшая своё имя и использованная искусством, как презерватив.

Подбрасывая собственные проблемы в ворох чужих огорчений.

Она последний раз посмотрела на декорации заходящей свечи солнца, что есть силы ударилась о землю и, моргая крыльями упорхнула в жёлтый бархат леса.

Ку-Ку, Ку-Ку... – считала она кому-то отпущенное время, решая и не оставляя шансов на выживание.

Сердечко

Разгорячилось.

Гонит кипяток крови по проточным сосудам.

На секунду затихло, словно смакует мой красноватый мёд,
и давай пульсом строчить.

Винцо его опьяняет, и бежит креплёная кровь в атмосферную вену.

Высасывает меня без остатка, тикает своим желудочком
и вновь за работу.

Вот прошла красавица, кожа белее сметаны, ротик растянулся в улыбочке, так оно хватить за мужскую жилку и теребит перестуком.

Дегустирует чувства, пивнёт глоток, проглотит и вновь шалить тахикардией.

Заскрипел мотор, поднапряглись клапана, ах, красotka!

А в полнолуние щемит, протяжно, жмёт мышцу и сцежи-

вает алый ручей, да по всему организму.

Лишь когда перемена погоды, или иная благодать с неба снисходит, ритм обострятся, как лезвие, и хлещет по аортам да предсердиям.

И расширяет на виске просящийся в мозг сосудик.

Бережно разливая кровушку по органам, напряжением ума – электричество по мыслям.

И уже бежит от сердца ток, реанимируя прошлое.

Разряд воспоминаний – и болевой шок сражает неровным биением.

Катализатор восприимчивости на пределе.

Снова кровь.

Как сигнал от заземления судорожных проглатываний бордового источника, всё возвращает на круги своя.

Желчное лето

Цветы вишни покрыли обнажённые мокрые костлявые ветки паутиной ароматных кружев, кажется сердцевина цветка бордовая не созревшая косточка и, когда лепестки облетят, она обтянется сочной мякотью от которой вяжет во рту, словно ягодка забродила. Взрыв солнечного газа пузырится на востоке и этот ржавый желчный пузырь взлетает в беловатое небо, как пульсирующий воздушный шарик с обрезанной ниточкой на празднике. Пролетая над домами он вызывает болезненную мрачную тень, в нише которой, легко укрыться от ожогов жаровни. Те же чьи тела воспринимают свет, как подкрашивающую хну, нежатся и вертятся в комке испепеляющего светила, подставляя все более аппетитные оголённые тела под изжёлто-оранжевый огонь. Лето только начинается, а моё лицо словно обуглилось от накала и теперь даже явные глубокие морщинки лба стали привлекательно коричневатые, будто солнце полоснуло золингеновской сталью пекла по обнажённым нервам ума. Заводной апельсин даже ночи делает серыми, с облезающим слоем обожжённых обрывков полупрозрачных облаков, которые летят тополиным пухом по складкам изумрудной земли. По-кошачьи ветер слизывает молочную плоть и обнажённая стеснительная луна распоров серпом фиолетовое небо, высыпает россыпь фосфорных мушек на холодную поверх-

ность поднебесья. Хочется пробежать по морскому скрипучему песку и покататься на волнах южных морей, заворачивающих тело в рулет и наполняющих плавки грузом песчаного дна, но пока приходится ездить в потном транспорте и, скрываясь от жары под зонтом пригородного пляжа, смаковать жирное и терпкое пиво...

Облаком сизый листок

Смяло, искорёжило дубовый листок, иссушила, выпила зелень осень.

Шуршат ломкие листки, как мыши, и вдруг кошачий ветерок разметал, разбросал эту стаю.

Так и выпорхнули с земляных норок и, накрутив с концов листка хрупкую ткань паруса, полетели куда-то к небу, словно силясь приклеиться к дереву, где всё так привычно и знакомо.

Пухом летят, воробьиной кучей, уже кажется, достигли небес и, плавно растекаясь по сырому влажному воздуху, планируя, рассматривают аляпистые клёны.

А на ветках кое-как держатся жёлуди, но и они бросятся вниз, чтобы погуще и величаво изродить дубовую аллею на многие года.

И каждый год молчаливо шаркает по жухлой листве осень, устало, собирая урожай, каждый год.

Амнезия

Как хочется временами, когда корявая карга жизнь курочит мои нервы внеутробными колебаниями боли, всё забыть.

Забыть имя, число, дату, год, когда тебя извлекли из водной питательной жижи и перерезали пуповину тупыми хирургическими ножницами.

Забыть Её, как забывают зонтик, который крючком зацепился за вешалку, забыть этот сероводородный дождь, пахучий, как кошачья моча.

Забыть губы с сальным блеском помады, неярким клейким цветом размазанной по припухлостям.

Забыть поцелуи, которые языком вращаются у тебя во рту, будто пытаясь выскрести истому и похоть.

Не помнить возраста, ботексным лицом выражая недоумение очередному дню рождения.

Стереть тех, кто предал, всовывая и прокручивая жало ножа между лопаток, хотя ты попросил, повернувшись, почесать позвонки.

Уничтожить память, как злое бесполезное существо, выдающее слёзы из неясного цвета глаз.

Потерять ощущение автоматизма, поворачивая голову, переходя через дорогу.

Есть руками.

Испытать наслаждение от последних летних деньков, которые исчезли из сознания, укутав пеленой восприятие.

Стесать рубанком совесть, инквизиция которой так мучает плоть и дыхание сердечной мышцы, защемляя кровотоки болью.

Наждачно убрать свои потуги написаний коротких или длинных историй.

В общем, раствориться в кислоте непонимания и аутизма.

Исчезнуть, личностно уступая тело восприятию коллизийных кругов жизненного плена иллюзий.

Заработать десяток миллионов ощущений от отсутствия собеседника, с которым не сможешь обсудить пуританство

церковных обрядов, и этот крест, висящий на шее, станет непонятен, как тотемный символ забытых богов.

Амнезия духовности и чувств.

Сметана

Отрывок из романа «Цветы потерянного Рейва»

...Новая реальность, выстроенная с помощью голограмм и видеопроекторов, способна поразить самого взыскательного зрителя, но после рейва наступило пресыщение искусственностью, и хотелось погрузиться в живое, в трепещущее жизнью нечто, простое и натуральное, как коровье молоко.

Как хочется иногда превратить простую банку со сметаной в произведение искусства!

Вставить в густую жирную массу столовую ложку, покрутить ею, пока на поверхности не образуются круги, и оставить настаиваться в предвкушении великого.

Установить её в музее, в центре зала, где даже стены, пол и потолок – дышат культурой и творчеством. Окружить её творениями Рафаэля, Ван Гога и Дали, посадить её на постамент и обтянуть цепью, установить подсветку и табличку, и тогда она, простая сметана, насытившись дыханием искусства, превратится в шедевр, который будут лицезреть посетители, с изумлением вперившись в обыкновенную стеклянную банку.

Идти в кино?

Банально сходить на киносеанс, подарив полтора часа своей жизни чьей-то сметане?

Настоящего кино не стало меньше, просто то, что дают вкусить потребителю, отдаёт душком и коммерцией, в которую кто-то вставил свою меркантильную ложку, не забыв выставить правильно свет, композицию и огородить продукт цепочкой из рекламы.

Хорошее кино, как хорошая картина или пьеса, должно побуждать зрителя к осмысливанию и раздумьям, а то, что предлагают нам сейчас, побуждает лишь к отрыжке, как несвежий кисломолочный продукт...

Борьба за огонь

Он лакал языком шершавую плоть дерева.

Шевелился, обнимал своим полупрозрачным жалом хрупкую древесину.

Та трещала, млела и безропотно превращалась в оранжевое филе угольков.

Плещется в камине огонь, греет не хуже солнца, и тепло от него исходит страстное и истомное.

Я подкармливал жадное пламя, закидывая в его чрево всё новые поленища, он играл с сучками, заставляя разлетаться крохотные обломки дерева.

Изъедал до поседевшей золы.

Танцевал самбу, изредка сжигая перепутавших свет и тепло мотыльков.

Издыхал и взвивался алым знаменем вверх.

Я безропотно помогал ему жить, этой плазме чувств, ко-

торая, истлеет если отвлечься и забыть о существовании жара.

Ожог, ерунда...

Ведь идёт борьба, борьба за огонь.

СКОЛЬКО СТОИТ ЛЮБОВЬ

Она загадкой скривила губки, наспех обёрнутые в помадный налётный блеск, и достала из декольте тонкую дамскую сигаретку.

Чиркнула зажигалкой, та нехотя разбросав несколько раз бенгальские искры, полыхнула, и она, как говорили ещё в школе, «не в затыг» лукаво набрала полный рот дымочка и выпустила толстую струю, пахнущую розочками.

На глазах вечерело, если бы снабдить её дамские часики индикатором, то самое время подыскать себе кого-нибудь пофривольней, но желательно побогаче.

Золотистая бижутерия, сдобренная стеклом больших гранёных полукамушков-полубирюлек, довольно резко расчерчивала её манговые скулы.

Практически не отяжеляя ушки, серёжки сверкали переливками от пробивающихся насквозь озеленелой рощи лучей фонарей.

Был неясный провал между тем, как скатившись в яму прошлого, уйдёт весна, и перед надвигающимся, но осторож-

но припекающим, летом, которое вкатит зарёй, покрашенной южными румянами восхода.

Бродила она по аллейке взад вперёд, как правило бесцельно, едва не разрывая своё атласное платье, зацепившись за заковыристый пальцевидный сучок.

Да, она покинула свой дом, на прощание вильнув сливовой задницей и, поймав скрипящую на поворотах машину, выпорхнула восвояси.

Почему?

Тот ещё вопрос...

До бунгало, которое она неожиданно привлекла к своей натуре, несколько сотен метров.

Передвигаясь, плавно, словно корабль на воздушной подушке, она подплыла к дверце.

Ковырнула ключом замок.

И, ориентируясь, подтверждая опыты Павлова, махнула рукой справа.

Выключатель, сообразила она, совсем не такой, как в её квартире, которую она предварительно сдала на длительный срок, был прикреплён на уровне колен.

Улыбнувшись, она включила мерцающую под зеленоватым выцветшим абажуром лампу.

За столом, раскинувшись по-барски, и ногами стирая остатки ужина с полировки, восседал незнакомец.

– Эй, кто вам позволил здесь по-хозяйски распоряжаться, – быстро сквозь зло сжатые губки просвистела она.

Мужчина, хотя его лицо скрывал мрак, но судя по бугру на штанах, всё же мужчина, достал малахитовую пачку, перетянутую канцелярской резинкой, и отрывисто гавкнул:

– Я тебя купил, ты продавец, я покупатель, сколько?

– Сейчас ты узнаешь, – она, ловко скинув туфли, приподняла платье и нанесла разящий удар ногой с разворота, – хватит?

Пока он, захлёбываясь в крови, шарил на полу в поисках золотой фикса, она ловко подцепила его сбережения и, только приглядевшись, узнала в нём недавно ушедшие чувства.

– Ах, это ты, сказочник? – выплеснула она на стол.

Он пытался сказать, но лишь сплёвывал багряные слюни.

– А сколько я по-твоему стою? – он лихорадочно полез в карман и достал сияющее кольцо.

– Ух ты, предложение делаешь, значит, не убежишь?, – он так замотал головой, что, казалось, короткостриженный овал проворачивается на его шее.

– Ладно, любовничек, иди вымойся и поговорим.

На крыше, довольный своим хулиганством, чистил горячим жиром лук крылатый Амур.

– Ха, сколько стоит любовь? Одна стрела – сердца двух, цена... Пусть теперь попробуют разбежаться, – он мило обнажил зубы, подошёл к обрыву крыши и полетел вниз.

– Ты неисправим, – донеслось откуда-то с небес, где, застывая огнём, собирались в созвездия млечные звёзды.

Эхо

Он снова покрутил головой, как же так, ведь всё могло быть исключительно иначе.

Синел рассвет.

Постель так нагрелась от тела, что он сбросил прогоревшее в нескольких местах одеяло, вновь, словно уйдя под воду, хлебнул изрядный глоток спёртого воздуха и закурил.

Что же получается, она кинула его на чувства, забрала с собой его сон и исчезла, растворяясь в мегаполисе.

Чёртовы сигареты, он силился прокашляться и сплюнул коричневую взвесь на клочок пятнистой газеты.

Он и полюбить-то успел неумело и завораживающие реснички видел вблизи мельком, и то, когда она наклонялась вперёд, чтобы по-змеиному прошептать его имя.

В темноте её чёрные глаза было практически не видно, он лишь ловил дикий блеск зрачков, хватая губами губы.

– Как целуешься! Ты ещё губы съешь, – смеялась она,

и смех её шарил по углам эхом и утихал.

Она приготовила ростбиф, а он, вегетарианец по своей натуре, не знал, как отказать.

– Вегетарианец, но мясо, – снова этот шныряющий по углам смех.

Вообще трудно представить, что она ушла, ведь от неё пахло фиалками и весной.

За окном шипели метели.

Скрипели рамы, жалобно плача от ветродуя.

Её шубка, как шкура животного, распласталась на кресле.

Она пела по-французски, изредка смачивая пересохшие губы мокрющим язычком.

Бултыхалось в бокале «Божоле», и она большими глотками иссушала богемское стекло.

А потом, он даже не заметил, когда точно, испарилась в ночь.

– Ой, что-то голова закружилась... и укатилась, – проверяя углы громко рассмеялась она.

Он помнил этот смех, такое ощущение, что ему, смеху, было не вырваться из комнаты.

Снова закурил.

И снова мокротный кашель сдавил горло.

– Не придёт, – так казалось ему, ведь прошло уже пара дней.

А он как в трубу крематория выдыхал белёсый дым и ждал.

Синел рассвет.

Солнце прорвало горизонт и он лопнул алым маревом.

Вдруг пространство комнаты пронзил звонок.

Звонить было некому.

Углы комнаты ловили эхо.

Скидки

Смазливо скошенные уголками вниз глаза, вштрихованные по ободку слюнявым карандашом, исподлобья высматривали скидочные изделия под заляпанным стеклом.

Словно графический робот, взгляд изрезая многозначные ценники, безучастно подпиливал разнообразие.

– Мне к этому кольцу подберите подходящее...

Она кокетливо показала платиновое массивное кольцо, будто сплетённое из пальцев, и вновь погрузилась в свои расчёты и наблюдения.

Казалось, ей что-то нужно экстравагантное, но не слишком дорогое, средних размеров, чтобы выглядеть эффектно и богато.

Рыжее или белое, возможно, довольно простое, но только на первый взгляд.

Нужен колорит, я ещё раз глянул на её шишкообразное кольцо и погрузился в размышления: не то – молодое и элегантно-полигамное, здесь явный деффект, а может, стоит попробовать вот это, мало пользующееся спросом, и почти антикварное, да, вариант.

Я профессионально бряцанул ключами, открывая заветную витрину, и без раздумий достал типажную холёную фо-

тографию.

Она долго рассматривала губы, особенно её поразили вкрапления седины в шкиперскую бородку и огнеопасные глаза, бросила усталый взгляд на подробное резюме, вытащила импозантную пачку купюр, пережатую заколкой с бриллиантом, поцеловала кольцо, видимо, на удачу, и мурлыкающим голосом томно излила из себя:

– Да, – протянула она, – Он шикарно подходит к кольцу... Телефон... Сдачу оставьте себе, умница.

За горизонт

Перевалочно, переходя кирзой на широкий шаг, двигался через вдох-выдох человек.

Роста он был трёхаршинного, на спутанном чубе веселилась блёкляя мошка.

Горизонт был недостижим.

Сколько раз, да не счесть, он пылил по пустынной колее песчаной дороги, с одним лишь- умыслом, забраться, дойти за тонкую линию, будто похмельной рукой вычерченную и отделяющую, как нож филе неба, от костей перелеска.

Он видел, как туда съезжало, словно разбитое яйцо по стеклу, жёлтое негреющее солнце.

Видел он и птиц, вылетающих косою из глубин между красными пролитыми на небо тучами и лесом.

Однажды он остановился, вдруг почувдилось: был он здесь.

Неужто круг навернул, виток?

И мотая головой, он всё не мог поверить, что грань недо-стижима, что иллюзия приближения лишь-игра разума.

Тогда он скинул грубые боты и побежал, да так быстро, что горизонт не успел отдалиться, и он, как замороженный, встал на выступе и зрел пустоту туманную.

Сделав рывок, он нырнул в мясистую неопределённость, раскинув иксом ноги и руки.

Приближались звёзды, он задевал полумесяц и летел в космос.

– Смотри, смотри – комета летит...

– Э то не комета, это звезда падает, – глядя в окуляр лин-зы, подытожил ученый.

На небо напозла ночь, звёзды светили ярче обычного, дорога озарилась сметанным светом луны.

Кусок неба

Дайте мне кусок неба.

Синего, как перезревшая бирюза.

Где то между шаловливых туч.

И никаких облаков, в которых запутываешься, словно в путаной сети женских колготок.

Жирного, будто его намазали толстым слоем на небосклон и никто кроме него не чувствует аромата свободы.

Без этого огнепышущего обруча солнца, такого непостоянного, как грибной дождь в лицо.

Погода слизывает его ком в месиво коричневых желейных облаков.

Оно силится прорвать плотную завесу, да куда там лишь подкрашивает хной завитки белокурые.

Дайте мне кусок неба, и я как в детстве распорю его синь самолётниками оставляя на своём куске дымчатые шрамы.

А ещё я буду танцевать, пиная ногами пятнистые молниедышащие тучки.

Дайте мне кусок синего неба, ведь его жизнь так коротка, как зимний день, выкраивающий тени молочными фонарями.

Подарите мне счастье видеть синее небо сквозь решётку окна.

Передоз

Улыбка разрезает рот
Клыки наточены веками
Вампир смакует красный мёд
Вцепившись в волосы руками...

Худосок Автогравич давненько не впитывал кровь.

Страшно чесались клыки, он пробовал на ощупь содрать верхний слой надфилем, но узенький напильник стачивался о вековые острия.

Помнится, лет пятьдесят назад, пробовал он морфинистую кровушку, какое успокоение и негу выпытал он тогда.

Это вам не водочки черпануть наученным ртом!

Евпатория Судаковна, ещё будучи живой, страсть как любила морфинчик пригубить, причём не в шутку, а в отключку, до аморфных сновидений с вампирами и нечистью.

Как раз во время очередного сеанса плавно будто, подкожно врывается шприц, вонзил в неё зубки Худосок.

Тепло, словно по венам побежал солнечный лучик, и грузные веки свалились на сошедший в точку глаз.

Кровь была маслянистая, будто подогрели на сковороде с жирком, и сладковатая как вишнёвый супчик в момент полного созревания.

Всё поплыло, поплыла Евпатория, она, покачиваясь боками, безвольно мешком осела в пружинистые руки, и, выпуская последний раз парок жизни, мирно сошла на нет.

А Худосок, как присоска пиявки, медленно набухая, всасывал опийную влагу.

Вот и сейчас держа в объятьях паренька, он медленно опрокинулся назад, руки жертвы напоминали магистрали по которым, безжалостно кусая, прополз металлический клещ.

Худосок зевнул, обнажая стриптизно резцы, и замертво впал в подмокший снежок.

– Афганский... Передоз, – так и витало в его, разрушенном чужой кровью, мозжечке.

Маркизде мой сад

Ночь слизняком оставила на травах мокрый след.

Ростки, как жиром намазанные, скатили с себя слезные отдушины рассветной росы, выпрямили стрелы стебельков, и уснувшие цветы развернули свои головки к солнцу.

Разлилось по небу топленое молоко полуоблаков-полудымки.

Я вышел на дачное крыльцо, втянул сжатыми печным угаром легкими хвойный успокаивающий воздух и, словно бутончик, повернул лицо зарнице.

Она прошмыгнула по моим морщинкам, полоснула граблями щеки, опалив конец ночи, и вызвала внутреннюю дрожь, похожую на трепетание нутра под хирургическим ножом.

Загудел шмель, не спеша, величественно он жужжал над сладкими лепестками, потом, вобрав пыль растений, спланировал, сделав круг над садом, на пригретую полянку и затерялся среди буйных перелесков трав приволья.

Небесный сплав золота тем временем начал растоплять весенний утренний холодок.

Плеснув расплавленным металлом по стеклам окошек, рассвет почти съел обугленную тушку тени.

Прилетели птахи.

Наперебой, будто раскраивая сарафанное радио, они начали беспокойно щебетать треском.

Видимо, приученные и почти ручные синички ждали ежедневного лакомства.

Набрав жменьку пахнущих маслом семечек, я вытянул руку, и они облепили ее тонкими щекотными лапками, затем ловко подцепляя клювом семечку, птички шелестели крыльями и, усевшись на ветку возле забора, дробили сладковатый подсолнух.

Пошел осматривать владения – шесть соток земли и пробуждающееся в огнях между туч бесконечное небо.

Как же хорошо на природе, будто похмельный синдром города, исчезнувший на даче!

Вдавил внутрь штырек моего одногодка умывальника, и нехотя потекла почти вязкая струйка, а я, ополоснув морозящей водицей лицо, вкусил покалывание холодной дождливой ночи.

Но все внимание на лужайку.

Такое интересное зрелище – эти растения, которые, несмотря на заморозки утром, неизменно радуют новыми проявлениями, аж сердце открывается отмычкой равновесия и умиления.

Вытягиваясь по струнке, колышутся росточки еще не окрепшим стеблем от выдыханий приземленного ветра.

Словно гусеница почки, разорвав свое тельце, на ветках распахивается листок за листком.

Человек и природа нуждаются друг в друге, ничто так не отвлекает от раздражений и нервных переживаний, как слияние с ней.

Но вот стайкой бабочек меня облепили уже прожигающие лучи и, опылив бурым загаром, начался теплый садовый день.

Копошишься в зелени, как в море свежего воздуха купаешься.

Ворошишь прически грядок, сдергиваешь пучком непокорные волосы травы.

А вечерком раскаленные камни баньки смоят налетом крупного пахучего пота тяжесть приусадебных работ.

Нож

Бывали ли вы на грани?

В пограничном состоянии, когда будущее ваше неясно и изменчиво, а ветер метёт чувства, словно красные сердечки липовых листков?

Была весна, она величаво всплыла ручьями и растеклась по ухабам в поисках равновесия.

Я, помнится, в ещё зимней одежке, взмок, и, стирая микрокапли пота, чесал под шапкой лоб.

Ничто не предвещало грозы, такой ранней и холодной, как душ при отключении горячей воды.

Курил, смешивая сигаретный кумар с испарением от несогретой землицы.

Летели птицы, они, словно нарисованные буковки, гладко строчили в зеленоватом небе.

Я вспоминал хохочущие метели, бритвенный ожог морозца, и настроение воспаряло почти к самому, что ни на есть,

весеннему солнцу.

Лениво оглянувшись, я всегда лениво оглядываюсь, зевнул, как вдруг заметил шевеление в пышных кустах.

Кошка, подумалось тогда, и этот шорох не сомкнул надомной ощущения опасности.

Я затаился, вертолётником бросил окурок и зашагал прочь.

Сзади плелась тень.

Чёрная, как негритянское веко.

Следы съедала грязь.

И вдруг я почувствовал, что тень остановилась и испуганно прижалась ко мне.

Беззвучно блеснуло лезвие ножа.

Оно покачивалось, как кораблик на волне, и приближалось с ухмылкой острия.

Я развернулся.

По кустам бежало жало солнца, и ни одного человека во-
круг.

Нож плыл по воздуху, посвистывая и мерцая зеркальной
плотью.

Ничего не понимаю – кто-то невидимый двигался по ухо-
женной тропинке, сжимая рукой перо.

Глаза округлились, но я почувствовал привкус «Дольче
Габанны», услышал чей-то плевок в сторону и неосознанно
дёрнулся с дорожки.

На секунду солнечный луч полоснул по глазам, я ослеп.

Я чувствовал, как нож с трудом, словно делая над собой
усилие, пропорол куртку, прошмыгнул мимо рёбер и с ко-
лющей резкой болью проник в самое сердце.

От неожиданности я осел в придорожную стынть.

Дышать было тяжело, каждый вдох – это усилие, усилие,
через которое нужно перешагнуть, чтобы жить.

Ещё чуть-чуть – и я потеряю сознание, но я слышал сме-

ШОК, НОЖ ВЫСКОЧИЛ ИЗ МОЕГО ТЕЛА И ИСЧЕЗ.

Взор угасает, всё темнеет, контуры разжижаются, я не замечаю, как мимо проезжает машина, останавливается, как меня кладут на носилки.

И только слышу далёкий и незнакомый голос:

– Разряд... Это сердечный приступ...

Операция ы

Редкие выпады остроносого дождя, казалось, выжигали на лице полупрозрачную татуировку слёз.

Бултыхаясь в непогоде, словно пузырь, выдуваемый из мыла, повинующийся порывам безоглядного ветерка, разворачивающего и иссушивающего твою радужную оболочку, бредёшь в забытьё.

Только не назад.

Там в холоде грейпфрутовых стен, горьких печальных, сдирающих наждачкой кожуру кожи, осталось то к чему нельзя прикоснуться, моё мясо, моё тело.

Веря следам, ведь следы куда-то ведут, идёшь, не оглядываясь, но ветер надувает щёки силясь прорвать своим дыхлом хрупкую невидимую плоть.

Люблю когда на тебя не смотрят, любопытно, раздражающе, и, раздевая, хватают за яблочко зада, будто срывая и откусывая плод из райского сада.

Невидим и свободен.

Солнце скукожило тучи, натянуло лазурный небосклон, хватаешь огниво руками, обжигаясь, как от сухого льда, и, словно сплющенный горячий беляшок перекидываешь с ладошки на ладошку.

А затем бросаешь лучиками наостре в лужу и та, отражая пламя, издыхает, испаряется и парком влажным вызывает летнюю лихорадку.

Только не назад, хотя действие наркоза уже заканчивается.

Атракцион страха

Где потолок?

Г Д Е потолок?

Вместо пола раздвижные жалюзи ещё шаг и они развернутся, оголив крохотный обрезок земли.

Не хочу!

Подождите...

Из стен тянуться руки в алых бархатных резиновых клешнях.

По пальцам стучит невидимый молоток, они багровеют – видно, как под резиной скапливается кровянистый сгусток, руки сковываются в мольбе и медленно вползают назад в волокнистую стену.

В сознание вливаются кислотные испарения, тот, кто хоть раз здесь побывал, не сможет забыть, как лопаются мозговые извержения.

Запах тела.

Скукоженный, завёрнутый в обугленную фольгу, запах сгоревшей плоти, такой плотный, видимо застарелый, неужели и я так пахну.

Втягиваю тягучий парок подмышек, так и есть, тлением заразилось и моё тельце.

Затхло, будто в глотку залили строительной монтажной пены, и, вот она, разбухая, высыхает и перекрывает воздухопоток.

НЕ СМОТРЕТЬ НАВЕРХ!

Там...

Там раскуроченный маковым закатом небосклон, как жвачку, крошащуюся в кашлицу от бесконечного пережёвывания, сплёвывает, бенгальские искристые звёзды.

Дёргаю дверь – открыто, неужели никто не догадался выйти отсюда...

Выйти, чтобы забыть страх...

Я снова в своей квартире.

НЕ СМОТРЕТЬ НАВЕРХ...

В аду

Кровилось небо.

Сначала я почувствовал натяжение эпидермиса, но уже через секунду ожог от трёхзубчатой вилки превратил нервный посвист в короткий ёмкий возглас.

– Перекур..., – черти спешили с хищников и, усевшись в кружок, гоняли в балду.

Наконец никотиновый туманчик дополз до меня, я закашлялся и, выдыхая едкие пары, уронил голову налево к плечу.

Куришь? – я почувствовал жжение губ, – сними фаску.

Я жадно в три затяжки стянул хабец, и уже довольный, ведь не так уж и плохо в этом расхожем местечке, вспомнил об алкоголе.

Мне тут же преподнесли тающий синевато-оранжевым огоньком Б52, который я всосал, выпуская горячий парок, и отрыгнул послевкусием «Куантро».

На закуску мне подали уже прожаренный румяный кусочек

с моей сочной ягодицы, приказывая:

– А теперь бочком, плотоядный, – рогатые терпеливо ждали, пока я доем желтоватый, словно проржавевший, кусок.

– Великолепный антрекот, – я спешил дожевать лакомство.

– Не подавись, жадина, – они включили трип-хоп и, дико улыбаясь, принялись улюлюкать.

Дверь открылась, и меня обняли в круг разномастные демоны, игриво ковыряющие во рту тонкими лезвиями филейных ножей.

Тефаль с резной ручкой в виде винтового рога подостыла, почудился аромат «Дольче Габанны»

Я усмехнулся и приглушённо прошипел:

– Ну, всё. Утро. На работу мне, снова врать, что проспал.

Демоны, чертыхаясь, срезали верёвки, и уже через час, матерясь, проехав не заплатив, я ненасытно дегустировал алкоголь, за что и получал неплохие деньги, которых с избытком хватало и на вечеринки, и на безобразный по своей сути

похотливый меркантильный секс.

Ведро воды

Капал снег.

Превращаясь в трухлявую жижу, он неуютно жался к земле, затем плачуще издыхал и трансформировался в похожие на жидкие облака лужицы.

Стайно, они растекались в ручей и, глотками, выделяя парок от пригревающих водяную кожуцу лучей, журчаще чавкали, чтобы слиться в поток.

Весна сжигала парик прошлогодней травы, клоками, вырывая лишайно волосяной уголёк.

Недалеко скрипуче надрывалась ось, вращая душащую кричащую цепь.

Дырявый, прогнивший колодец.

Ведро шлёпало по морозной воде, захлёбывалось в талых водах, и нехотя прерывисто лезло вверх.

Ловко поймав дужку, прикасаюсь к губам липким металлом.

Аж передёрнуло, водица с привкусом жжёной земляки
ободрала горло.

Под ложечкой зашкворчало.

Чучело голода отлетело.

Заморозки

Остывала от замороженных припадков рыхлая весенняя топь.

Жалобно, изощерённо, воздух резало неясное оперение чёрных с яркими клювами, птиц.

Шипела, пенилась боль каменистого выпада в ночь, короткого беспокойного дня.

Кое-где жгли траву, и густой витой запашок переваливался через оконное дупло, душисто драл ноздри, и, скатываясь в комок, скуляще сворачивался в закрюченного нашкодившего щенка.

Тихо, по-волчьи выло бледнолицее лицо ранней луны, чей кривой нож так настырно пытался отогнать ночные страхи, что крутился ужом после убаюкивающей тюльпановым закатом дневской расслабленности.

Стёкла, стянутые хрусталической плёнкой инея, тревожно трещали.

Заморозки навалились толпой, изломали, скомкали

и укрыли лужи плёнкой бархатистого льда.

Я искал спасение в свёрнутом пространстве помещения, но тщетно, голодный воздух добрался и до меня, заключая в холод бесцветного подземелья.

Какая тишь.

Пластмассовая тьма.

Пахнуло розочками.

Исхода нет

Был упругий ветренный вечерок.

Моль снега садилась на кудрявую шапку волос и вырабатываемый адреналин бесшумно уничтожал крылатых.

Оса фонаря, вонзив жало в промёрзшую плоть льда, жалобно жужжала в поиске тепла, даря светлое облачко нектара люменов.

Дома наклонили неясную тень от сгоревшего солнышка, превращённого тьмой в изогнутое лезвие луны.

Каблуки оставляли искорёженные следы на свежем ковре помертвевшего снега.

– Я сейчас, за марафетом сбегая... – сказал ему приятель и нырнул в облупленный дом.

Фонтанка стояла в крепком застое.

Окна промёрзли и узор скрывал кружевами внутренности помещения.

Через час, чертыхаясь, «благородный профиль» достал карандаш, дунул в сжатый до синевы кулак, и, втянув носом слякотную слизь, вывел в золочённом блокноте:

«Ночь. Улица. Фонарь. Аптека...»

Последняя слеза

Он выплыл из подъезда, ещё не понимая как же могло случиться так, что он живой переполненный силами, оставил там это тело.

Любил ли он вообще?

Да блеск зрачков, да полутона, да обволакивающий запах волос.

Не красавица, да и Бог с ней, он заплатил ей сполна, кто же виноват, что так случилось.

Беспредметная беседа пока они поднимались ввысь, почти к самым облакам, да чуть пониже.

Её рука такая мягкая, будто стёрли часть кожи пемзой, она её шевелит, выкручивает.

За окнами красным катышком сваялся закат, тучи на-ползли отовсюду и теперь их гребешки оросились бордо.

Они поднялись на этаж, он попробовал её губы и они, словно из тягучего материала, втянулись вглубь, холодные

и доступные.

– Не нравлюсь? – она кокетливо сдула волос.

– Губы ледяные...

– Это с морозца, зато у тебя, как каминное пекло.

Они ещё о чём-то поговорили, она начала стягивать с себя одежду не забывая целовать ежовую небритую щёку.

В мандраже он тихонько толкнул её на ступени, но она оступилась.

Голова с тихим шлепком ухнула о угол.

С ужасом он смотрел, как живое существо багрового цвета ползло к нему по ступеням.

Он перекрестился и погнал по этажам, перескакивая через ступени, спотыкаясь, едва не падая, сбежал вниз.

Всё.

Сердце измученно тёрлось о рёбра, на свежем воздухе он

закурил, подумал, и считая ступени поднялся назад.

Стараясь не смотреть в белое лицо, осторожно ладошкой закрыл ей глаза, и провёл по таким же холодным губам.

Из её помертвевших глаз выкатилась, как ему показалось, росинка жемчужного цвета – последняя слеза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.